

ТРАНСАФГАНСКИЙ ГАЗОПРОВОД В СИСТЕМЕ ЭКСПОРТНЫХ
ТРУБОПРОВОДНЫХ ПРОЕКТОВ ТУРКМЕНИСТАНА
И ПЕРСПЕКТИВЫ ИХ РЕАЛИЗАЦИИ¹

I. Развивая Афганистан, мы работаем на весь мир

Афганистан является государством, где сконцентрировались геополитические, экономические, идеологические, социальные и религиозные противоречия, свойственные современному миру и порождающие угрозы международной безопасности, в том числе для России. К сожалению, Афганистан для современной системы международной безопасности продолжает оставаться источником угроз и вызовов, как регионального, так и мирового масштаба. Среди традиционных вызовов – террористические проявления, наркопроизводство и связанные с ним транснациональные преступные синдикаты, которые срослись с властями в ряде государств региона, стремятся расширить свое присутствие во власти и подчинить целые регионы своему влиянию.

Сегодня в системе международных отношений идея расширения регионального сотрудничества имеет шансы превратиться в главный ключ к решению проблем развития и устойчивой безопасности в современном мире. Совместные действия в решении проблем Афганистана могут укрепить региональное сотрудничество с участием Китая, Индии, Ирана и России, а также имеющих общую с Афганистаном границу Таджикистана, Туркменистана и Узбекистана, которые традиционно и в течение многих десятилетий поддерживали разнообразные связи с афганским государством. Однако идея регионального сотрудничества может быть реализованной только в том случае, если все соседи Афганистана будут воздерживаться от геополитического соперничества в регионе. Любые шаги, предпринимаемые в направлении мира и стабильности в Афганистане, идут на пользу не только правительства и народа Афганистана, но всего региона, и будут способствовать стабильности во всем мире. Это касается, в том числе, и проблемы наркопроизводства – ее решение лежит в организации социально-экономического подъема через восстановление инфраструктуры Афганистана. Далее более подробно я остановлюсь на теме Трансафганского газопровода (ТАПИ), строительство которого способствовало бы социально-экономическому подъему в Афганистане. Мы поддерживаем ту точку зрения, что необходимо ускорение строительства трубопроводных транзитных проектов. Россия проявляет заинтересованность в участии в проекте строительства газопровода ТАПИ, она также поддерживает реализацию проекта строительства трубопровода Иран–Пакистан–Индия, поскольку это не только укрепит региональную стабильность, но и позволит поднять экономику провинции Белуджистан. Развивая Афганистан, мы работаем на весь мир.

II. Система газо-экспортных проектов Туркменистана

С момента независимости становление экономики Туркменистана было и остается связанным с расширением экспорта углеводородного сырья (прежде всего природного газа). При этом газопровод Туркменистан – Афганистан – Пакистан – Индия представляет особую геоэкономическую важность для Туркменистана в его системе перспективных экспортных маршрутов. Судьба данного газопровода, наряду с ситуацией вокруг еще одного проекта – Транскаспийского газопровода, весьма сложна. Дело в том, что когда мы говорим о газовом сотрудничестве Туркменистана с Ираном, Китаем или Россией, мы понимаем, что в данных случаях правительству Туркменистана приходится иметь дело с одним контрагентом, как правило, его государственной национальной нефтегазовой корпорацией. В случаях же с ТАПИ и ТКГП – речь идет о создании Консорциумов с участием транснациональных нефтегазовых компаний (ТНК), которые имеют свои собственные интересы, зачастую выходящие за рамки или не совпадающие с национальными интересами государств, в которых они работают.

С момента своей независимости Туркменистан ведет проработку нескольких вариантов новых экспортных газопроводов, каждый из которых по предварительным результатам давал (хоть и в разной степени) основание полагать, что все проекты являются реальными. Но все они изначально являлись и остаются мега-проектами с точки зрения капитальных затрат, временных масштабов и географической протяженности, а также применения последних достижений науки и техники в области транспортировки газа. Реализация указанных проектов требует совместных решений при рассмотрении приоритетных направлений международными, региональными и национальными компаниями, а также финансовыми институтами, которые должны скоординировать свои действия для его осуществления.

Все 1990-е гг. Туркменистан прорабатывал различные варианты экспортных трубопроводов. Среди основных экспортных газопроводных проектов должны быть названы:

– *Туркменистан-Иран-Турция-Европа* – с предполагаемыми объемами поставок, как виделось в 1999 г., около 23 млрд. м³ в 2005 г. и 30 млрд. м³ в 2010 г. Протяженность до турецко-болгарской границы составляет 3900 км.

– *Туркменистан-Афганистан-Пакистан*. На конец 1999 г. в данном проекте Индия фигурировала, но рассматривалась лишь в качестве дальнейшей перспективы. Протяженность 1464 км. Планируемые объемы поставок природного газа (на первом этапе) – 15 млрд. м³ в год.

– *Туркменистан-Китай*. Протяженность от Туркменистана до восточного побережья Китая – 5730 км.

Необходимо отметить, что широко известными вышеперечисленными основными экспортными маршрутами экспортное газопроводное проектирование со стороны Туркменистана не ограничивается. Так в разной степени проработки находились и остаются «имеющими право на жизнь» еще целый ряд маршрутов, к которым было приковано по сравнению с тремя *основными*, намного меньше внимания. В частности, мало кто знает о проекте

газопровода *Туркменистан–Иран–Армения–Грузия–Крым–Европа*, ТЭО которого было разработано киевским институтом ВНИПИтрансгаз, и согласно которому Украина была готова импортировать до 10 млрд. м³ природного газа в год. Так же существует дефицит информации в отношении нескольких вариантов проекта газопровода *Туркменистан–Иран–Турция–Европа*. В их подготовке приняли участие такие крупнейшие нефтегазовые компании мира, а также ведущие корпорации, занимающиеся строительством и эксплуатацией газотранспортных систем, как «Пенспен» (Великобритания), «Софрегаз» (Франция) и «Шелл» (Голландия).

Таким образом, вариантов маршрутов (в разной степени их проработки) для экспорта туркменского газа достаточно много. Но именно ТАПИ и ТКГП стали наиболее показательными примерами сочетания новых экспортных возможностей Туркменистана с внешнеполитическими угрозами. Остановлюсь более подробно на двух названных проектах.

III. Транскаспийский газопровод – пример геополитической игры вокруг нефтегазовых ресурсов Туркменистана

Следует отметить, что Транскаспийский газопровод (ТКГП), которому внешние игроки сейчас вновь пытаются придать приоритетную важность, на стадии определения Ашхабадом экспортного маршрута в Европу рассматривался лишь как один из вариантов европейского направления. Только к концу 1990-х годов, во многом по политическим мотивам, ТКГП был навязан Туркменистану в качестве прерогативного направления европейского экспорта.

Для понимания ситуации необходимо сделать небольшое отступление и сказать, что еще в апреле 1997 г. администрация США закончила разработку стратегии глобального преобразования и освоения природных ресурсов прикаспийского бассейна, получившую название «*Стратегия Шелкового пути*». В ее основу положена перестройка энергетического сектора региональных государств и борьба «за свободу экспорта углеводородов». Поддерживая политические инициативы, предлагаемые лидерами бывших советских среднеазиатских и закавказских республик, направленные на выход из под влияния России, с этого момента США рекомендовали им снижать уровень российского присутствия в глобальных энергетических проектах, одновременно привлекая все большее количество американских корпораций к их реализации.

Руководствуясь принятой Стратегией, высокопоставленные американские чиновники активно, но в то же время крайне осторожно стали доводить заложенные в ней идеи до государственных руководителей в регионе. Например, в декабре 1997 г. министр энергетики США Федерико Пенья направил на имя Президента Туркменистана С.Ниязова письмо. Документ содержал позицию американского руководства по проблемам создания трубопроводной инфраструктуры для транспортировки туркменских углеводородных ресурсов на внешний рынок.

Касаясь перспективы сооружения газопровода Туркменистан–Афганистан–Пакистан, Ф.Пенья уведомил президента С.Ниязова, что реальные финансовые вложения в строительство будут возможны только в случае достижения политической стабильности в Афганистане.

Более приемлемым в то время, а значит и первоочередным в финансовом плане, с точки зрения США, являлся проект европейского газопровода. Его трасса должна была пройти по дну Каспийского моря, минуя территорию России и Ирана, через Азербайджан и Грузию в Турцию, а далее в Европу. Создание данного газопровода обсуждалось с президентом Азербайджана Г.Алиевым во время его визита в США. Азербайджанский руководитель якобы согласился в принципе, хотя уже тогда не выразил явного энтузиазма, с доводами американских представителей. По словам Ф.Пенья, Турция также позитивно отреагировала на предложение специалистов в США. Ф.Пенья, увязывая интересы США конкретно с этим проектом, отметил, что широкомасштабные американские инвестиции в строительство газопровода возможны лишь при условии полного урегулирования межгосударственных противоречий на Каспии, и в первую очередь между Туркменистаном и Азербайджаном.

С этого момента Транскаспийский трубопровод предполагался как главный маршрут поставок Туркменского газа (в объеме 16 млрд. м³ на начальной стадии и с перспективой расширения пропускной способности до 30-32 млрд. м³) от Восточного Туркменистана через Каспийское море по территории Азербайджана, Грузии и далее по территории Турции до границы с Болгарией.

Реализация идеи строительства Транскаспийского газопровода (ТКГП) с самого начала своего практического воплощения (т.е. с середины 1990 гг.) была обусловлена желанием европейских покупателей природного газа снизить свою зависимость от его поставок из России и через Россию. С появлением же российского проекта «Голубой поток» ТКГП стал также *инструментом в конкуренции* за турецкий рынок и транзитный потенциал Турции. Геополитическая значимость ТКГП существенно превосходила его экономическую целесообразность: экономика данного проекта изначально была на втором месте.

Кстати, новая реанимация ТКГП в 2011 г. (реализация проекта почти на десять лет была приостановлена) так же совпала с выходом на реализацию второго российского проекта – теперь уже «Южного потока». Таким образом, с самого начала проекта ТКГП был обусловлен геополитическими интересами США – при помощи данного проекта США рассчитывают продемонстрировать стремление бывших советских республик (прежде всего, Туркменистана и Азербайджана), опираясь на американскую политическую поддержку и экономическое взаимодействие с европейскими странами, окончательно выйти из-под влияния России. При этом при разработке проекта ТКГП открыто игнорировались научные выводы – Тегеран и Москва предупреждали, в том числе о наличии большой вероятности экологической катастрофы в случае прокладки трубопроводов через Каспий. Однако эти и другие предупреждения в расчет не брались. По замыслу инициаторов, строительство ТКГП

(первоначально планировалось запустить газопровод уже в 2002 г.) должно было существенно изменить геополитическую ситуацию в регионе, в том числе:

- серьезно усилить позиции США и Турции, которая, несмотря на имеющиеся разногласия до сих пор остается стратегическим американским союзником (в начале 2000-х гг. никаких значимых противоречий между Вашингтоном и Анкарой вообще не существовало);
- снизить влияние России, которая, в соответствии с планами американской администрации должна утратить роль внешнеполитического ориентира для среднеазиатских республик;
- устранить разногласия между Туркменистаном и Азербайджаном в вопросах принадлежности спорных каспийских месторождений;
- дать возможность Грузии получать транзитные дивиденды и усилить ее влияние в Закавказье.

В данном случае (как и в большинстве других масштабных газотранспортных проектов, в том числе в ТАПИ) интересы Туркменистана для организаторов, инвесторов и политических покровителей имели второстепенное значение и продолжают таковыми оставаться. Однако, как следует отметить, *Туркменистан склонен не преувеличивать геополитическую составляющую экономических проектов, и, уж тем более, не стремится к их излишней политизации.* Он ставит перед собой прагматичные (и, как казалось, совершенно реальные задачи), связанные с диверсификацией поставок за рубеж природного газа. Главная мотивация участия Туркменистана в ТКГП неизменно заключалась в желании экспортировать через ТКГП 30–32 млрд. м³ газа в год.²

IV. ТАПИ в системе газо-экспортных проектов Туркменистана

В начале 1990-х гг. аргентинская компания «Бридас» провела сейсмическую разведку перспективных территорий восточного Туркменистана (месторождение «Яшлар»). Были пробурены две разведочные скважины и доказано наличие больших запасов газа, достаточных для обеспечения мощности газопровода в 20 млрд. м³ топлива в год в течение 25 лет.

С учетом подтвержденных запасов газа на этом месторождении, с весны 1995 года встал вопрос о необходимости проработки трансафганского маршрута для транспортировки туркменского газа в Пакистан. Весной 1995 года по поручению правительств Туркменистана и Пакистана аргентинская компания «Бридас» приступила к изучению афганского маршрута, заручившись соответствующей официальной поддержкой со стороны правительств Пакистана и Туркменистана.

Однако затем (уже в октябре 1995 года) туркменская сторона в процессе подготовки проекта строительства газопровода Туркменистан – Афганистан – Пакистан отдала предпочтение американской компании «Юнокал».

Американская компания представила свой проект, включающий разработку своего (отличного от варианта «Бридас») варианта ТЭО, определение источников финансирования, развитие маркетинга туркменского газа.

В качестве партнера в Туркменистане «Юнокал» предложила частную нефтяную компанию из Саудовской Аравии – «Дельта ойл компани», которая была создана в 1992 г. и которую на тот период возглавлял Бадр М.Аль-Айбани. Штаб-квартира компании располагалась в США, в штате Техас. «Дельта ойл компани» принадлежит одной из крупнейших в мире компаний «Дельта Интернэйшнл». Представительства «Дельта ойл компани» на тот период были уже открыты в Баку и Ташкенте.

Осенью 1995 г. в Нью-Йорке было подписано соглашение между правительством Туркменистана и Объединением компаний «Юнокал»/«Дельта» на право покупать туркменский газ на туркмено-афганской границе, а также был подписан протокол-намерение о строительстве трубопровода из Туркменистана к терминалам на побережье Индийского океана.

Компания «Бридас» попыталась оспорить данное решение в тexasском суде, выдвинув обвинение против «Юнокал», в том числе и по поводу «воровства идеи». Но аргументы аргентинцев были отмечены – «Юнокал» в качестве источника трансaфганского газопровода рассматривал иные месторождения, «Бридасу» было предложено построить «свой» газопровод, источником которого являлось бы месторождение «Яшлар». К тому же тexasский суд решил, что тяжба между «Юнокал» и «Бридас» попадает под юрисдикцию законов Туркменистана и Афганистана в гораздо большей степени, чем законов штата Техас.

В 1995 г. в Туркменистане было открыто представительство «Юнокал/Дельта», в 1996 г. «Юнокал»/«Дельта» открыли офис в Исламабаде, где приступили к исследованию рынка импорта газа из Туркменистана. Предполагалось, что будущий газопровод возьмет начало с туркменского месторождения «Довлетабад-Донмез» (по данным туркменской стороны, его запасы составляли на 1997 г. 1,3 трлн. м³ газа), его протяженность составит более 1460 км через Западный Афганистан до города Мултана в Пакистане и получит дальнейшее развитие в направлении Нью-Дели (Индия). Планировалось, что первоначальный объем поставок составит 15 млрд. м³ газа в год, которые будут перерабатываться на электростанциях и предприятиях нефтехимии в Пакистане. По тому же маршруту планировалось проложить и экспортный центрально-азиатский нефтепровод, по которому нефть Прикаспийского региона, Средней Азии и Западной Сибири могла бы транспортироваться к морскому терминалу на пакистанском побережье Аравийского моря. Стоимость обоих проектов руководством «Юнокал» оценивалось в 10–12 млрд. долларов, строительство обоих трубопроводов считалось возможным завершить за 6,5 лет.

Параллельно с этим процессом, постепенно накапливающееся недопонимание между туркменской стороной и «Бридас» вылилось в острый конфликт. 22 января 1997 г. деятельность компании «Бридас» в Туркменистане была прекращена по инициативе туркменской стороны. В последствии конфликт вылился в рассмотрение дела в международном арбитражном суде.

Чтобы не возвращаться к этому важному эпизоду, необходимо отметить, что вынесенные решения Международного арбитража были в большей степени в пользу «Бридас», так как туркменская сторона вынуждена была признать, что

«Бридас» сделала значительные инвестиции в договорные территории (в рамках СП «Кеймир» и «Яшлар»). Было очевидно, что в случае полного изгнания из Туркменистана, туркменская сторона будет обязана возместить инвестиции. Но на тот момент свободными финансовыми средствами она не располагала. При этом «Бридас» не стремилась покинуть Туркменистан, а наоборот, рассчитывала со временем восстановить там свои позиции. Поэтому можно сказать, что международное арбитражное разбирательство все же велось со стремлением привести возникший спор между аргентинской и туркменской сторонами к компромиссу.

В 1997 г. была создана совместная туркмено-пакистанская рабочая группа, первое заседание которой прошло 4 июня 1997 г. в Исламабаде и было посвящено определению рынка сбыта туркменского газа. Второе заседание совместной рабочей группы состоялось 24–25 июня в Ашхабаде, которое рассмотрело вопросы, относящиеся к созданию Консорциума, согласно Ашхабадскому Протоколу, формирование международного консорциума по строительству газопровода Туркменистан–Афганистан–Пакистан должно было завершиться к 1 октября 1997 г. В ходе внеочередного Ашхабадского саммита ЭКО (13–14 мая 1997 г.) – в его ходе был подписан Протокол между правительством Туркменистана, Пакистана, корпорацией «Юнокал» (США) и нефтяной компанией «Дельта» (Саудовская Аравия). На «Юнокал» была возложена задача завершить формирование Консорциума по строительству газопровода также к 1 октября 1997 г. При этом говорилось, что строительство начнется уже в конце того же 1997 г.

С целью реализации проекта ТАП было решено создать акционерную компанию «Сентрал Эйшиа Газ Пайлайн Лтд» («более распространенное название «Сентгаз») Соглашение о ее создании было подписано 25 октября 1997 г. в Ашхабаде (традиционно – накануне Дня независимости). В церемонии принял участие президент Туркменистана С.Ниязов, а также должностные лица компаний, ставших акционерами консорциума. Это были «Юнокал» (США), «Дельта» (Саудовская Аравия), «Хюндай» (Южная Корея), «Иточу Корпорейшн», (Япония), «Инпекс» (Япония), «Крескент», (Пакистан). При этом предполагалось, что еще одним участником Консорциума станет российский «Газпром».

В этот же день (25 октября 1997 г.) было подписано «Соглашение об управлении разработкой проекта газопровода Туркменистан–Афганистан–Пакистан» между компаниями «Юнокал» и «Сентрал Эйшиа Газ Пайплайн Лтд», закрепившее за американской компанией ведущую роль в качестве разработчика проекта.

К 1998 г. «Юнокал» (от имени Консорциума) проработала соглашения с руководством «Талибан» и оппозиционным ему «Северным альянсом» о прокладке трубопровода по контролируемым ими территориям. Туркменская сторона надеялась, что реальное строительство начнется уже в конце 1998 года.

Однако к тому времени наметились серьезные расхождения, прежде всего по срокам реализации проекта. Позиция «Юнокал» завершить строительство газопровода к 2004 г. вызвала негативную реакцию у С.Ниязова. Руководство

Пакистана также выказало недовольство, заявив, что если газопровод не будет построен до 2000–2001 г., то у Пакистана может пропасть интерес к данному проекту.

15 сентября 1998 г. был осуществлен визит делегации Туркменистана во главе с вице-премьером Б.Сарджаевым в Хьюстон для очередного раунда обсуждения представленного ТЭО строительства газопровода ТАП. Еще одна аналогичная встреча с руководством «Юнокал» прошла в США 2 декабря 1998 г. Туркменскую делегацию возглавлял заместитель министра МНИГ Туркменистана Г.Назджанов. По результатам двух раундов переговоров туркменская сторона пришла к выводу о том, что американская компания, возглавляющая консорциум «Сентгаз» начинает уходить от взятых на себя обязательств, ссылаясь на нестабильность политической ситуации в Афганистане и появлением разногласий этой компании с лидерами противоборствующих сторон в нем, в том числе – с руководством движения «Талибан».

В начале декабря 1998 г. на заседании консорциума «Юнокал» де-юре заявила о своем выходе из него. По официальной версии в основу данного решения легли три основных причины, такие как текущая ситуация в Афганистане, которая оставалась далека от улучшения и стабилизации; падение мировых цен на нефть; нежелание туркменской стороны продлить соглашение о лидерстве «Юнокал» в Консорциуме (по мнению туркменской стороны, «Юнокал» за первый срок соглашения не выполнила полностью взятые на себя обязательства). Место лидера в Консорциуме временно перешло к «Дельте».

На фоне данного события «Бридас» стала надеяться на возвращение своих позиций в проекте газопровода ТАП с целью занять в нем место «Юнокал», при чем на максимально выгодных для себя условиях. В 1998 г. «Бридас» трижды подавала свои предложения туркменской стороне. Представитель компании в Ашхабаде вел активные переговоры с послом Пакистана в Туркменистане, однако, по всей видимости, все опять упиралось в сохраняющееся отрицательное отношение к компании со стороны президента С.Ниязова, который, будучи обиженным за проигрыш в международном арбитражном суде, вину за возникший конфликт возлагал не только на своих подчиненных, но и сохранял отрицательное отношение к «Бридас».

В апреле 1999 г. в Исламабаде была проведена встреча министров энергетики Афганистана, Пакистана и Туркменистана в ходе которой принято решение о создании консультативно-координационного комитета по продвижению проекта – трехсторонней совместной рабочей группы (СРГ) по проекту газопровода Туркменистан–Афганистан–Пакистан. После этого можно перечислить порядка 10 различных международных встреч по поводу трансафганского проекта, но это не имеет большого смысла, так как они не привели к каким-либо результатам. Можно констатировать, что к концу 1999 г. данный проект фактически оказался замороженным.

К теме ТАПИ вновь активно вернулись лишь в начале 2002 г. В ходе визита в Ашхабад 7 февраля 2002 г. помощника Госсекретаря США Элизабет Джонс объявила, что перспективам ТАПИ было уделено значительное

внимание. Местные наблюдатели посчитали, что со стороны администрации США С.Ниязов получил карт-бланш на реанимацию этого проекта. Однако в комментарии посла США в Туркменистане Лауры Кеннеди четко прозвучало, что США готовы поддерживать *коммерчески* выгодные экспортные трубопроводы и участвовать в переговорах со странами-транзитёрами и компаниями, заинтересованными в реализации этих проектов.

В 2002 г. было заключено межправительственное Соглашение о реализации ТАПИ между Туркменистаном, Афганистаном, Пакистаном и Индией. В рамках соглашения был создан новый Руководящий комитет по реализации проекта. В дальнейшем к проекту присоединился Азиатский банк развития, высказавший готовность профинансировать разработку ТЭО. Этот документ АБР был представлен профильным министрам Туркменистана, Афганистана, Пакистана и Индии лишь в январе 2005 г. ТЭО газопровода ТАПИ выполнила британская компания «Пенспен». Теперь протяженность маршрута от точки поставки в Туркменистана до населенного пункта Фазилка (Индия) составляла 1680 км. Газопровод диаметром 1420 мм (56 дюймов) с рабочим давлением в 100 атмосфер согласно проектной документации был рассчитан на пропускную способность 33 млрд. м³ газа в год. Предусматривалось строительство 6 компрессорных станций. Стоимость газопровода оценивалась в пределах 3,3 млрд. долларов. В феврале 2005 г. после очередного заседания Руководящего комитета по реализации проекта начался процесс определения механизма финансирования, создания консорциума по его финансированию, строительству и эксплуатации, а также разработки проектов Соглашения с принимающими государствами и Соглашения о купле-продаже газа. Процесс оформления юридической основы планировалось завершить в 2006 г. и в этом же году приступить к строительству.

13–15 февраля 2006 г. в Ашхабаде прошло девятое заседание Руководящего комитета, по итогам работы заседания был подписан Протокол-дополнение к Соглашению между правительством Туркменистана и правительствами Исламской Республики Афганистан и Исламской Республики Пакистан по проекту строительства газопровода и нефтепровода Туркменистан–Афганистан–Пакистан–Индия, который будет действовать в течение трех лет. В нем зафиксирован ряд достигнутых конкретных договоренностей, в частности, по объемам закупок туркменского природного газа Пакистаном и Индией. Подтверждено также приглашение Индии стать официальным участником проекта.

Однако в работе по продвижению проекта с конца 2006 г. вновь наблюдается снижение активности его участников. По мнению специалистов, в большей степени – *отсутствие реальных инвесторов* вновь сделало проект малоперспективным. Кроме того, сохраняющаяся нестабильность в Афганистане и отсутствие контроля над большей его территории со стороны правительства Х.Карзая также продолжали играть отрицательную роль в плане перспектив реализации ТАПИ.

Очередное «возрождение» проекта ТАПИ вновь обозначилось в конце 2010 года, с подписанием, так называемого, Ашхабадского межгосударственного соглашения государств-участников о начале его

практической реализации. В мае 2012 г. туркменское правительство даже заключило соглашение о купле-продаже природного газа с индийской «GAIL ltd». В течение 2012 г. Туркменистан несколько раз презентовал проект ТАПИ для потенциальных инвесторов и убеждал собиравшихся в том, что поставки газа из республики на полуостров Индостан будут гарантированы и надежны именно усилиями туркменской стороны. Но никто не делал презентаций афганского участка маршрута ТАПИ – его безопасности, надежности и контролируемости.

К тому же, по всей видимости, главное состоит в том, что, как и в предыдущий раз, начало «возрождения» ТАПИ было связано не столько с реальной заинтересованностью Туркменистана в его реализации, а с тем, что в регионе активизировался иной газотранспортный проект Иран–Пакистан, строительство иранского отрезка которого было фактически завершено в 2013 г. Но в последствии под нажимом США и благодаря финансовой помощи Саудовской Аравии, правительство Пакистана временно «охладело» к получению трубопроводного иранского газа. Таким образом, для США необходимость в ТАПИ, как геоэкономической альтернативы газопроводу Иран–Пакистан вновь отпала, что в конечном итоге и обусловило то, что очередной «всплеск» по поводу реализации Трансафганского газопровода, так ничем и не закончился. Таким образом, как и в случае с ТКГП мы констатируем, что газовые ресурсы Туркменистана используются геополитическими игроками для решения собственных задач, что в стратегической перспективе, по всей видимости, несёт ущерб туркменским интересам.

V. Заключение

По нашей оценке, ТАПИ и ТКГП следует рассматривать не столько как газотранспортные экономически обоснованные проекты, сколько как геополитические проекты, которые используются крупными внерегиональными игроками, включая ТНК, в качестве своеобразного прикрытия для достижения иной цели, противоречащей собственному представлению о национальных интересах правительства Туркменистана и стран-партнеров в данных проектах. Эта главная цель – получение прямого и эксклюзивного доступа к богатым нефтегазовым месторождениям Туркменистана на суше.

Одним из подтверждений нашей позиции по данному вопросу является озвученный Ричардом Лугаром в декабре 2012 г. в комитете по иностранным делам Сената США Доклад «Энергия и безопасность: от Каспия до Европы» (доклад подготовили сенаторы-республиканцы Нил Браун и Марик Стринг).³ Касательно Туркменистана, в докладе, в частности, говорится: «Суть состоит в том, что крупнейшие международные нефтегазовые компании должны иметь возможность зарезервировать за собой запасы газа, и у них должна быть возможность получить эти запасы в какую-то *форму собственности*, чтобы оправдать инвестиции на миллиарды долларов – это поднимает стоимость компаний. Когда Ашхабад говорит, что вы нужны нам только для контрактов на предоставление услуг, это фактически означает, что мы вам заплатим только за то, что мы от вас потребуем сделать, и за те технологии, которые мы

попросим вас использовать, но это совсем не привлекательно. Если Ашхабад не готов внести изменения в эту часть общей картины, то очень трудно представить, что у него появятся какие-либо крупные экспортные рынки за пределами Туркменистана», – сообщил Н.Браун на обсуждении доклада, состоявшемся в Атлантическом совете в Вашингтоне. «Крупнейшие энергодобывающие компании обычно избегают контрактов на предоставление услуг, за исключением тех случаев, когда они ожидают заключение соглашения о разделе продукции в дальнейшем. В то же время Туркменистан демонстрирует глубокую подозрительность в отношении крупнейших международных нефтегазовых компаний и упорно отказывается от заключения соглашений о разделе продукции или иных лицензионных договоров, которые позволили бы крупнейшим международным нефтегазовым компаниям *получить права собственности на газ*. Вместо этого правительство Туркменистана предлагает крупнейшим международным нефтегазовым компаниям «забирать газ на нашей границе», если они хотят участвовать в добыче газа, но пока оптимизма в отношении будущих прав на газ у крупнейших международных нефтегазовых компаний явно недостаточно и ни одна из них по контрактам на предоставление услуг не работает. Такой инвестиционный климат будет помехой в первую очередь для строительства будущих газопроводов из Туркменистана», – указывается в документе.

Фактически впервые публично был предан некий ультиматум правительству Туркменистана, напрямую затрагивающий главные основы внутренней политики в отношении собственности на газ, которая с момента независимости оставалась неизменной и всегда держалась на трех основных принципах:

- Уже разведанные сухопутные месторождения газа Туркменистан способен разрабатывать самостоятельно, привлекая лишь технологии иностранных компаний в режиме сервисных договоров. Ни о какой собственности иностранных компаний на часть туркменского газа, находящегося в месторождениях на суше – речь не идет, и идти не может;

- Все газопроводы, включая участки международных, пролегающие по территории Туркменистана – являются государственной собственностью, они не могут в принципе находиться в собственности иностранных компаний. В этой связи газ продается не на месторождении, а на границе Туркменистана;

- СРП и СП могут широко применяться при освоении с участием иностранного инвестора месторождений углеводородов, находящихся в «туркменском» секторе Каспийского моря, требующих иного уровня иностранных инвестиций и применение технологий, которыми Туркменистан в ближайшее время объективно обладать не в состоянии.

Таким образом, интересы транснациональных компаний далеки от национальных интересов Туркменистана и его видения развития собственного нефтегазового комплекса. Тем не менее, актуальность Трансафганского газопровода остается высокой и для Туркменистана, и Афганистана, и Пакистана, и Индии. Как отмечалось выше, строительство трубопроводных транзитных даст сильнейший стимул для интеграции региона, в том числе внесет свой вклад и в вытеснение наркопроизводства из хозяйственной жизни

Афганистана. Повторюсь, что Россия проявляет заинтересованность в участии в проекте строительства газопровода ТАПИ, а также она поддерживает реализацию проекта строительства трубопровода Иран – Пакистан – Индия. Но, на наш взгляд, для реализации подобного рода масштабных геоэкономических проектов необходимо задействовать потенциал такого механизма, как Экономический и Социальный Совет ООН (ЭКОСОС), в сферу компетенции которого входит рассмотрение международных экономических и социальных проблем, а сам Совет учрежден в качестве центрального форума для обсуждения таких проблем и разработки политических рекомендаций. Это позволило бы нивелировать узкокорыстные и эгоистические интересы крупных транснациональных корпораций и привести их к общему знаменателю с национальными интересами стран региона.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Статья подготовлена на основе Тезисов выступления А.Н.Медведева на международной конференции “Herat Security Dialogue III” 27-28 сентября 2014 г. (Герат, Афганистан).

² Подробнее о Транскаспийском газопроводе см.: Транскаспийский газопровод – история несбывшихся надежд: <<http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1364919540>>.

³ Energy and Security from the Caspian to Europe / A Minority Staff Report prep. For the use of the Comm. on Foreign Relations, U.S. Senate, 112th Congress, 2nd session, 12 Dec. 2012.